

ures, lose [12]. In mongol language there is manger [2] stupid, doltish. In may have the same root with the Kyrgyz word “mankurt”. In ancient uygur and Tungus Manchu languages variants of word man can have ман-, май-, мун-, муй- changing.

Man means the state of being mad, stupid and the verbs ан, аң- mean the opposite wisdom, wise. For example: «аң-сезим», «андап бил-», «аң сал-», «аң акыл» in Kyrgyz, “anlamak, anlaşmak” in Turkish. According to Radlov’s dictionary аң – means perceptiveness, wit, comprehensiveness.

According to ancient and modern Turkic languages and Altaic languages examples of word man we can suppose that there may be some common rooted word as m -*.

References

1. Atay, Ayten. Journal of Dil Arastirmalari. 2008, Issue 3. – P. 87-98.
2. Ferdinand D. Lessing MongolianEnglish Dictionary. Univercity of California Press. – Los Angeles and Berkeley, 1960. – 539 p.
3. <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/%D0%BC%D3%99%D2%A3%D0%B3%D1%96%D1%80%D1%82%D1%83/>
4. Ignaz Kunos. Šejh Suleyman Efendis Çagataj Osmaniches Wörterbuch, II., – Budapest, 1902. – 148 p.
5. Kırçak Türkçesi Sözlüğü. – Ankara, 2007. – 177 p.
6. Sir Gerard Clauson. (1972) An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. – Oxford, 1972. – 766 p.
7. Sir Gerard CLAUSON. () An etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. – Oxford, 1972–773 p.
8. Айтматов Ч. Кылым карытаар бир күн: Т.4. – Бишкек: Учкун, 2009. – 137 p.
9. Гусейнова У.Г. Об этимологии слова Манкурт // Бакы университетинин хаберлери, 2006. – С. 182-188.
10. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964. – 130 с.
11. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков, том VII. –Москва: Наука, 1974. – С. 35-36.
12. Тунгуско-манчжурский словарь. – Л.: 1975. – 521 с.

Насипов Илшат Сахиятуллович,

*д. филол. н., профессор кафедры
татарского языка и литературы,
БГПУ им. М.Акмиллы,
г. Уфа, Башкортстан, Россия
e-mail: nasipov2004@rambler.ru*

УДК 81.512.145’286

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТАТАРСКОГО И ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ И ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В ВОЛГО-КАМЬЕ

INTERACTION OF TATAR AND FINNO-UGRIC LANGUAGES AND TYPES OF LANGUAGE CONTACTS IN THE VOLGA-KAMA REGION

Аннотация. В статье анализируются понятия субстрата, суперстрата, адстрата, перстрата на примере татарско-финно-угорских языковых контактов в Волго-Камье.

Ключевые слова: языковые контакты, татарский язык, финно-угорские языки, субстрат, суперстрат, адстрат, перстрат.

Abstract. The notions of substrat, superstrat, adstrat, perstrat are analyzed in the article on the example of Tatar-Finn-Ugor language contacts in the Volga-Kamie.

Key words: The language contacts, the Tatar language, the Finn-Ugor languages, substrat, superstrat, adstrat, perstrat.

В лингвистической литературе нет однозначного определения понятий субстрат, суперстрат, адстрат и перстрат, которые непосредственно связаны с проблемами языковых контактов. Эти типы языковых контактов выделяются по степеням влияния носителей одного языка на другой.

Понятие «субстрат» включает в себя совокупность черт языковой системы, не выводимых из

внутренних законов развития данного языка и восходящих к языку, распространенному ранее на данной лингвогеографической территории. Субстрат, в отличие от заимствования, предполагает широкое этническое смешение и языковую ассимиляцию пришельцами коренного населения через стадию двуязычия. Субстратом может быть язык как родственный языку-победителю, так и неродственный. Явления субстрата проявляются на любом уровне языковой системы от фонетики до лексики либо в виде вошедших в язык единиц и категорий [3, с. 497]. Появление этого термина в истории языкознания связывается с именем известного итальянского лингвиста XIX века Г.И. Асколи, который связывал образование романских языков кельтским этническим влиянием в латинском языке. В дальнейшем это понятие развито в многочисленных исследованиях как зарубежных, так отечественных лингвистов. Теория субстрата и сегодня остается в центре внимания контактологических исследований.

Субстратные влияния тюркских языков на финно-угорские языки, а также некоторые следы финно-угорского языкового субстрата в чувашском и татарском языках выявлены в трудах Б.А. Серебренникова, Н.И. Исанбаева, Т.И. Тепляшиной и др.

Лингвистическое осмысление термина субстрат по нашим материалам может быть применен по отношению к мордовским заимствованиям в татарском языке, которые обнаруживаются в языке мордва-каратаев. Мордва-каратаи – своеобразная этнографическая группа татар, проживающая в трех селениях Камско-Устьикинского района Республики Татарстан: Мордовских Каратаях, Шершалане и Заовражных Каратаях. Говор их относится к мишарскому диалекту татарского языка. Абсолютное большинство исследователей (В.Н. Белицер, П.И. Кеппен, В.И. Козлов, И.И. Лепехин, Х. Паасонен, А.Ф. Риттих, Х.Д. Френ, А.О. Хейкел, Л.Ш. Арсланов, Р.Г. Ахметьянов, Ф.С. Баязитова, Л.Т. Махмутова, Д.Б. Рамазанова и др.) считает, что мордва-каратаи представляют собой небольшую отатарившуюся часть мордовского населения [4, с. 3-9]. Как известно, «в истории региона отмечено много случаев ассимиляции определенной части марийцев, удмуртов, мордвы, чувашей под непосредственным влиянием местных тюркоязычных предков волжских булгар, а именно бигеров и суасов, самих булгар, позже и булгаро-татар. Ярким примером этому могут служить мордва-каратаи, которые образовались от части мордвы путем ее ассимиляции булгаро-мишарями и принятия ею этого языка. Мордва-каратайский язык хотя и считается особым говором татарского языка, но в его основе нетрудно обнаружить и следы смешения языков булгар и мордвы» [3, с. 196]. При этом более 75 % мордовских лексических единиц, зафиксированных в татарском языке, употребляются в говоре мордва-каратаев, 2/3 из которых относятся к терминам родства и свойства [4, с. 131-145].

Совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития данного языка и объясняемых как результат растворения в данном языке пришлых этнических групп, ассимилированных исконным населением, определяется в лингвистике термином «суперстрат». Суперстрат, как и субстрат, выявляется прежде всего в фонетике и грамматике, в меньшей степени в лексике, где оба вида языкового влияния трудно отграничить от заимствований [2, с. 499]. Впервые этот термин предложил швейцарский лингвист XX века В. фон Вартбург, который употребил его в противовес субстрату для объяснения, например, возникновения французского языка в результате влияния германоязычных франков на латынь.

Классическим примером суперстрата являются следы волжско-булгарского языка в болгарском языке. В степях Восточного Черноморья булгары создали союз племен, вошедший в историю как Великая Булгария. После смерти хана Кубрата, держава распалась, а пять его сыновей оказались на разных территориях. Аспарух со своей ордой около 679 г. перекочевал за Дунай и основал Первое Болгарское царство. В Дунайской Болгарии долгое время сохранялся дуализм в организации власти и языке, но вскоре после принятия христианства в 864 г. и подавления мятежей болгарской знати, булгары были ассимилированы славянами [11, с. 52]. Сохранив при этом этноним в форме «болгары», они оставили заметный след и в языке, элементы которого обнаруживаются сегодня в современном болгарском языке.

С явлением суперстрата мы в какой-то мере сталкиваемся также, когда изучаем «бесермян» с этнолингвистической точки зрения. Бесермяне – этнографическая группа финно-угорских народностей, живущих в среде удмуртов, чепецких татар и вятских русских. Хотя в вопросе этногенеза бесермян нет единого мнения, большинство исследователей склоняются к мнению, что бесермяне являются потомками древнебулгарского населения, принявшими ислам, а впоследствии ассимилированными удмуртскими племенами и усвоившими от них в Прикамье удмуртский язык [12, с. 21-22, 242-244; 3, с. 196].

Совокупность черт языковой системы, объясняемых как результат влияния одного языка на другой в условиях длительного сосуществования и контакта народов, говорящих на этих языках в языкознании принято обозначать термином «адстрат». Адстрат, в отличие от соотнесенных с этим понятием терминов субстрат и суперстрат, означает нейтральный тип языкового взаимодействия, при котором не происходит этнической ассимиляции и растворения одного языка в другом; адстратные явления образуют прослойку между двумя самостоятельными языками [2, с. 499].

По мнению С.А. Мызникова, «адстрат традиционно рассматривается как живое взаимовлияние языков в равновесной системе. При нарушении равновесия один из языков может дать материал для субстрата, другой – для суперстрата» [5, с. 20]. Однако не всегда при нарушении этого равновесия, на наш

взгляд, могут возникнуть явления или субстрата, или суперстрата. Например, соприкосновение татарского и марийского языков невозможно считать равновесной, т.к. влияние татарского языка проявляется сильнее и на всех языковых уровнях, тогда как марийского – очень слабо и в основном на уровне лексики. При всем этом явление субстрата или суперстрата в татарском языке не проявляется.

В современной лингвистике употребляются и другие термины, связанные с проявлением контактирования языков – перстрат и интерстрат. Например, перстрат – это результат культурного, опосредованного письменностью взаимодействия языков в верхних коммуникативных сферах: религиозной, государственной, научной, литературной и т.д.

В случае субстрата ассимилируется язык коренного населения, в случае суперстрата, наоборот, ассимилируется язык пришлого населения, а элементы ассимилированных языков, в первом случае остаются в языке пришлого населения, во-втором случае – в языке коренного населения. Таким образом, и субстрат, и суперстрат всегда предполагают непосредственные тесные контакты носителей языков, смешение языков в древности. Причем обязательным условием возникновения субстрата и суперстрата, т.е. смешения языков, является наличие полного массового двуязычия.

В случае адстрата и перстрата возникает процесс заимствования: при адстрате процесс заимствования происходит при сосуществовании языков, т.е. при непосредственной их взаимосвязи; при перстрате процесс заимствования может происходить в языках, территориально отдаленных друг от друга, т.е. при опосредованной их взаимосвязи. Причем, наличие полного или частичного двуязычия при этом не обязательно и временные рамки не имеют решающего значения: контакты могут быть и в древности, и продолжаться сегодня. Лингвисты указывали, что «если смешение языков предполагает длительное сосуществование языков на одной территории, то заимствования могут происходить не только в языках, расположенных на одной или смежной территории, но и в языках, территориально отдаленных друг от друга. Если для смешения языков необходимым условием является полное двуязычие их носителей, то для заимствования совершенно безразлично, будет ли при этом двуязычие полным или частичным. При этом различие может заключаться только в степени интенсивности заимствования. Поэтому заимствование имеет место даже тогда, когда знание языка, из которого заимствуют, минимально. Если смешение языков возможно только при условии непосредственного речевого общения их носителей, то заимствования могут происходить и при отсутствии такого близкого соприкосновения носителей того или иного языка с носителем соседних или культурно влияющих языков, так как заимствование может осуществляться не только при устном общении, но и в процессе переводов научной, художественной и иной литературы с одного языка на другой» [1, с. 8].

В частности, взаимодействие татарского языка с марийским, мордовскими (мокша, эрзя), удмуртским языками на лексическом уровне, возможно, может быть воспринято как адстратное явление. Примером же перстрата может служить опосредованное взаимодействие татарского языка с арабским и персидскими языками. Результатом перстрата также, возможно, нужно считать наличие в словарном составе татарского языка финно-угорских лексем, заимствованных через посредство русского языка [6; 7; 8].

Литература

1. Ахунзянов Э.М. Русские заимствования в татарском языке. – Казань: КГУ, 1968. – 367 с.
2. Большой энциклопедический словарь / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
3. Закиев М.З. Проблема урало-алтайского языкового союза в Волго-Камье // *Sessiones plenares et symposia: Congressus septimus internationalis Finno-Ugristarum*. – Debercen, 1990. – Pp. 192-197.
4. Мордва-каратаи: язык и фольклор. – Казань: ИЯЛИ, 1991. – 153 с.
5. Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб.: Наука, 2004. – 492 с.
6. Насипов И.С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке: Монография. Казань: ИЯЛИ им Г. Ибрагимова АН РТ, 2009. – 236 с.
7. Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Марийские заимствования татарском языке: Монография. Стерлитамак: СГПА имени Зайнаб Бишевой, 2010. – 228 с.
8. Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Удмуртские заимствования в татарском языке: Монография. – Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2013. – 173 с.
9. Серебренников Б.А. О взаимодействии языков (Проблема языкового субстрата) // *Вопросы языкознания*. – 1955. – № 1. – С. 7-25.
10. Серебренников Б.А. О некоторых следах влияния финно-угорского субстрата в языке казанских татар // *Академику В.В.Виноградову к его 60-летию: Сб. статей*. – М., 1956. – С. 214-225.
11. Татары. – М.: Наука, 2001. – 583 с.
12. Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.